П.Я. Гальперин

К ПРОБЛЕМЕ ВНИМАНИЯ

С тех пор как психология стала отдельной областью знания, психологи самых разных направлений единодушно отрицают внимание как самостоятельную форму психической деятельности. Правда, по разным основаниям. Одни потому, что вообще отрицают деятельность субъекта и все формы психической деятельности сводят к разным проявлениям того или иного общего механизма — ассоциаций, образования структур. Другие потому, что отождествляют внимание с разными психическими функциями или с какой-нибудь их стороной; и не было такой функции, сочетания функций или такого психического явления — от "направленности" до "изменения организации" психической деятельности, от "темного" кинестезического ощущения и двигательных установок до сознания в целом, — с которым не отождествляли бы внимание.

Когда внимание отрицают вместе с другими психическими функциями, это не затрагивает его в частности. Когда же внимание отождествляют с другими психическими явлениями, то в этом уже проступают реальные трудности проблемы внимания, невозможность его выделения. Анализ этих трудностей приводит к заключению, что в основе самых разных взглядов на природу внимания лежат два кардинальных факта:

1. Внимание нигде не выступает как самостоятельный процесс. И про себя, и внешнему наблюдению оно открывается как направленность, настроенность и сосредоточенность любой психической деятельности, следовательно, только как сторона или свойство этой деятельности.

2. Внимание не имеет своего отдельного, специфического продукта. Его результатом является улучшение всякой деятельности, к которой оно присоединяется. Между тем, именно наличие характерного продукта служит главным доказательством наличия соответствующей функции (даже там, где процесс ее совсем или почти совсем неизвестен). У внимания такого продукта нет, и это более всего говорит против оценки внимания как отдельной формы психической деятельности.

Нельзя отрицать значения этих фактов и правомерности вытекающего из них и столь обескураживающего вывода. Хотя у нас всегда остается какое-то внутреннее несогласие с ним, и в пользу такого несогласия можно было бы привести ряд соображений о странном и тяжелом положении, в которое ставит нас такое понимание внимания, но, пока соображениям противостоят факты, а у психологии нет других источников фактов, кроме наблюдения (внешнего, за телесными проявлениями внимания, и внутреннего, за переживаниями внимания), указанные выше факты сохраняют абсолютное значение и отрицание внимания как отдельной формы психической деятельности представляется и неизбежным, и оправданным.

Исследования умственных действий позволяют подойти к этому вопросу с несколько иной стороны. В результате этих исследований было установлено, что формирование умственных действий в конце концов приводит к образованию мысли, мысль же представляет собой двойное образование: мыслимое предметное содержание и собственно мышление о нем, как психическое действие, обращенное на это содержание. Анализ показал, далее [1], что вторая часть этой диады есть не что иное, как внимание, и что это внутреннее внимание формируется из контроля за предметным содержанием действия [2]. Тогда, естественно, следует вопрос: нельзя ли вообще понять внимание как функцию психического контроля? Нижеследующее изложение имеет целью показать, что понимание психики как ориентировочной деятельности и знание тех изменений, которые претерпевает действие, становясь умственным, действительно открывают такую возможность и позволяют иначе и более оптимистично взглянуть на положение вещей в проблеме внимания.

Понимание психики как ориентировочной деятельности означает подход к ней не со стороны “явлений сознания”, а со стороны ее объективной роли в поведении [3]. В отличие от всякой другой, психическая ориентировка предполагает образ — среды действия и самого действия, — образ, на основе которого и происходит управление действием. Управление действием на основе образа требует сопоставления задания с его исполнением. Следовательно, контроль составляет необходимую и существенную часть такого управления [4]. Формы контроля могут быть различны, степень их развития — тоже, но без контроля за течением действия управление им — эта основная задача ориентировочной деятельности — оказалось бы вообще невозможным. В той или иной форме с разной степенью обособления и развития контроль составляет неотъемлемейший элемент психики как ориентировочной деятельности.

Но в отличие от других действий, которые все производят какой-нибудь продукт, деятельность контроля не имеет отдельного продукта. Она всегда направлена на то, что хотя бы частично уже создано другими процессами, — чтобы контролировать, нужно иметь что контролировать. Допустим, что внимание представляет собой как раз такую функцию контроля — ведь это даже непосредственно в чем-то близко подходит к его обычному пониманию, — и сразу отпадет самое тяжелое из всех возражений против внимания как самостоятельной формы психической деятельности: отсутствие отдельного” характерного продукта [5]. Знание тех изменений, которые наступают при формировании умственных действий, устраняет второе возражение: невозможность указать на содержание процесса внимания. Теперь мы знаем, что становясь умственным, действие неизбежно сокращается, приближаясь к действию по формуле. На участке сокращения происходит непосредственный, ассоциативный переход между сохранившимися звеньями (в случае действия по формуле — от исходных данных к результату). Для наблюдения

этот переход лишен конкретного содержания, но в зависимости от того, как велось само сокращение, он сопровождается или не сопровождается: 1) пониманием сокращенного содержания и 2) переживанием своей активности. Если сокращение планомерно выделялось и усваивалось, такое понимание и переживание образуются и сохраняются. Но если сокращение действия происходило стихийно, то сокращенное содержание забывается, а с ним и ощущение своей активности при выполнении сокращенного действия. Как раз этот второй случай больше всего отвечает обычному порядку формирования психических функций. Если, далее, стихийно сложившаяся функция к тому же не имеет своего отдельного продукта и всегда протекает лишь в связи с какой-нибудь другой деятельностью, то для наблюдения (и внешнего, и внутреннего) оно представляется лишь стороной последней — не как внимание, а как внимательность (при ее выполнении).

Стихийно сложившаяся деятельность контроля, становясь умственной и сокращенной, с естественной необходимостью должна представляться лишенной содержания, а с ним и самостоятельности — стороной или свойством какой-нибудь другой деятельности (которую она контролирует). Это как раз и отвечает наблюдаемой картине внимания. Отсюда ясно, что указанные выше два факта, играющие такую отрицательную роль в учении о внимании, на самом деле имеют очень ограниченное значение: они выражают положение, каким оно представляется во внутреннем и внешнем наблюдении, выражают ограниченность науки рамками данных наблюдений.

Но нужно подчеркнуть, что внимание — отдельный, конкретный акт внимания — образуется тогда, когда действие контроля становится не только умственным, но и сокращенным. Процесс контроля, выполняемый как внешняя, предметная, материальная деятельность, есть лишь то, что он есть, и отнюдь не является вниманием. Наоборот, он сам/требует актов внимания, сложившихся к этому времени. Но когда новое действие контроля превращается в умственное и сокращенное, тогда — и только тогда — оно становится вниманием, новым конкретным процессом внимания. Не всякий контроль есть внимание, но всякое внимание означает контроль [6].

Еще одно соображение. Контроль лишь оценивает деятельность или ее результаты, а внимание их улучшает. Как же внимание, если оно является психическим контролем, дает не только оценку, но и улучшение деятельности? Это происходит благодаря тому, что контроль осуществляется с помощью критерия, мерки, образца, а в психологии давно известно, что наличие такого образца — предваряющего образа, — создавая возможность четкого сравнения и различения, ведет к гораздо лучшему распознаванию явлений (и отсюда — к другим положительным изменениям, столь характерным для внимания).

Примеры этого общеизвестны; если предварительно дают прослушать камертон, то соответствующий звук легко выделяется из сложного аккорда, обертон—из сложного

тона; если песня знакома, ее слова различаются даже в плохой передаче; если известно, о чем идет речь, то слова гораздо легче узнаются и в неразборчивом тексте и т. д. Эти факты в свое время г объясняли процессом апперцепции. Плохое, мнимое объяснение, но факты несомненны; они обширны и значительны. Значение их сводится к тому, что наличие предваряющего образа увеличивает различительную способность в отношении своего объекта и снижает ее в отношении всех остальных [7].

Так применение образца объясняет два основных свойства внимания — его избирательность (которая, следовательно, вовсе не всегда выражает интерес) и положительное влияние на всякую деятельность, с которой оно связывается. И это - первая проверка гипотезы внимания как к деятельности психического контроля.

Вторая заключается в том, что, зная конкретное содержание деятельности внимания, мы можем ответить на трудный вопрос о природе произвольного внимания. До сих пор его отличительными признаками считают наличие цели (быть внимательным) и усилий (сохранить внимание на предмете, который сам его не вызывает). Но давно известно, что оба эти признака несостоятельны. Если мы достаточно опытны в предмете, то независимо от интереса к нему внимание становится произвольным — без задачи и усилий быть внимательным. Да и вообще говоря, цель и усилия свидетельствуют лишь о том, чего мы хотим, но не о том, чего достигаем; если же усилия (быть внимательным) остаются безуспешными, то и внимание остается непроизвольным. Давно было сказано, что в целях выражаются наши потребности, наша зависимость от обстоятельств — наша несвобода. А усилия в известном отношении обратно пропорциональны действительным возможностям: чем больше оснащена деятельность, тем меньше усилий она требует.

Л. С. Выготский был глубоко прав, когда пытался перенести в психологию, в частности в проблему внимания, общее положение марксизма о средствах деятельности как решающем условии и мериле произвольности. Но как понимать эти средства в психологии? Выготский считал ими знаки, опираясь на которые человек делает то, чего не может выполнить без них. Однако способ использования знака еще должен быть понят, и естественно, что вскоре Выготский обнаружил, что знак выполняет роль психологического орудия лишь поскольку сам получает значение. Приравнивая значение знака к понятию, Выготский ставил развитие произвольности психических функций в зависимость от развития понятий, т. е. от понимания того, как следует действовать в данном случае. Такое рационалистическое понимание произвольности означает неправомерное сужение проблемы: конечно, произвольность требует понимания обстоятельств, однако не всякое даже правильное их понимание равнозначно произвольности. Вопрос о средствах психической деятельности человека не сводится к пониманию и решение этого вопроса у Выготского не может считаться окончательным.

С точки зрения понимания как деятельности психического контроля, вопрос решается следующим образом: внимание произвольное есть внимание планомерное. Это — контроль за действием, выполняемый на основе заранее составленного плана, с помощью заранее установленного критерия и способа его применения. Наличие такого плана и критерия позволяет вести контроль, а вместе с тем и направлять внимание на то, на что мы хотим его направить, а не на то, что "само бросается в глаза". Конечно, такое планомерное действие по происхождению и природе является общественным и предполагает участие речи в его организации; оно возможно только у человека.. Как всякое действие, приобретаемое по общественному образцу, оно сначала выступает и осваивается в своей внешней форме (когда оно, как уже сказано, еще и не является вниманием) и лишь затем в специально речевом отражении становится произвольным вниманием). Благодаря своей объективно-общественной организации и поэтапному усвоению такое действие не зависит ни от непосредственно привлекающих свойств объекта, ни от нарушающих влияний переходящих состояний! самого человека, т. е. произвольно в собственном и полном смысле слова.

Непроизвольное внимание тоже есть контроль, но контроль, идущий за тем, что в предмете или обстановке "само бросается в глаза". В этом начальный отрезок связи — для сопоставления с ее продолжением. И маршрут, и средства контроля здесь следуют не по заранее намеченному плану, а диктуются объектом, от которого в обоих этих отношениях мы целиком зависим,— и потому непроизвольны. Но содержание деятельности внимания и здесь составляет именно контроль — контроль за тем, что устанавливают восприятие или мышление, память или чувство [8].

Конечно, трактовка внимания как отдельной формы психической деятельности пока остается гипотезой. Но помимо устранения теоретических трудностей ее преимущество в том, что она открывает возможность экспериментального исследования и проверки, возможность планомерного формирования внимания. Зная его содержание, как деятельности и пути формирования последней, как умственной деятельности, мы можем обучать вниманию подобно всякой другой психической деятельности. А именно: чтобы сформировать новый прием произвольного внимания, мы должны наряду с основной деятельностью дать задание проверить (или проверять) ее и указать для этого критерий и приемы, общий путь и последовательность. Все это сначала нужно давать внешне, в материальной или материализованной форме [9]—начинать следует не с внимания, а с организации контроля как определенного внешнего действия (которое лишь потом будет преобразовано в новый акт внимания). А дальше это действие контроля путем поэтапной отработки [10] доводится до умственной, обобщенной, сокращенной и автоматизированной формы, когда оно, собственно, и превращается в акт внимания, отвечающий новому заданию.

Непроизвольное внимание ребенка тоже можно воспитывать таким, каким мы хотим его видеть. В этом случае мы не ставим ребенку специальной задачи контроля, но учим выполнять основную деятельность определенным способом: тщательно прослеживая ее отдельные звенья, сравнивая и различая их, их связи отношения. Таким образом, не выделяя контроль в особую задачу, мы включаем его в основную деятельность как способ осуществления. Тогда вместе с основной деятельностью происходит и формирование непроизвольного внимания.

С точки зрения понимания внимания как деятельности психического контроля все конкретные акты внимания — и произвольного и непроизвольного являются результатом формирования новых умственных действий. И произвольное, и непроизвольное внимание должно быть создано, воспитано заново; у человека — всегда по общественно данным образцам. При планомерном воспитании внимания такие образцы должны заранее отбираться как самые успешные и перспективные для - каждой сферы деятельности, на каждом уровне развития. И можно надеяться, что поскольку в общем известны содержание деятельности внимания и порядок воспитания полноценных умственных действий, задача планомерного формирования все новых и новых актов внимания уже не составит принципиальной трудности. Теперь решающее слово должно быть предоставлено экспериментальному исследованию.

1]. Гальперин П. Я. Умственное действие как основа формирования мысли и образа. Вопросы психологии. 1957. № 6.

2]. Это значит не то, что мысль есть внимание или что внимание есть мысль, а только следующее. В каждом человеческом действии есть ориентировочная, исполнительная и контрольная часть. Когда действие становится умственным и далее меняется так, что ориентировочная часть превращается в “понимание”, исполнительная — в ассоциативное прохождение объективного содержания действия в поле сознания, а контроль — в акт обращения “я” на это содержание, то собственная активность субъекта, внутреннее внимание, сознание как акт, сливаются в одно переживание, которое при самонаблюдении представляется чем-то простым и далее неразложимым, как его и описывали старые авторы.

3]. Ориентировочная деятельность не ограничена познавательными процессами. Все формы психической деятельности суть разные формы ориентировки, обусловленные различием задач и средств их решения.

4]. Через посредство действия далее осуществляется и контроль за образом.

5]. К такому пониманию внимания близко подходит, признание за ним регулирующей функции. Но регуляция — понятие более широкое,:, а если оно раскрывается как избирательность, направленность и сосредоточенность, то сближение с контролем снимается.

6]. Мы должны с благодарностью вспомнить Ламеттри, который первый, насколько мне известно, ясно указал на внимание как деятельность контроля, которому он придавал особое значение в душевной жизни. Но Ламеттри не развивал систематически такое понимание внимания и, так как оно выражало функциональную, а не "эмпирическую" точку зрения на психические явления, оно было позабыто последующей эмпирической и физиологической психологией.

7]. Естественный вопрос: как же тогда объяснить внимание к объекту до образования его отчетливого образа, — разъясняется так: если это "внимание непроизвольное, оно использует первые впечатления как мерило для последующих; если это внимание произвольное, оно пользуется схемами, сложившимися в прошлом опыте.

8]. До сих пор в качестве непроизвольного внимания объяснялся только ориентировочный рефлекс — установка на новый раздражитель, — а не та исследовательская деятельность в отношении нового объекта, контрольную часть которой собственно и составляет внимание.

9]. Заслуживает быть отмеченным, что в изложении раздела о внимании (учебник "Психология", 1956 г.) проф. А. А. Смирнов подчеркивает значение материальной формы действия на ранних стадиях формирования внимания и при его затруднениях.

10]. На содержании и процедуре поэтапного формирования умственных действий, как и на понятии материализованного действия я не останавливаюсь. Они изложены в нескольких сообщениях ("Опыт изучения формирования умственных действий", сб. "Доклады на совещании по вопросам психологии". М., 1954; "О формировании умственных действий и понятий". "Вестник Московского Университета", 1957, № 4. "Умственное действие как основа формирования мысли и образа", "Вопросы психологии", 1957, № 6)